

но-индивидуальный, идеальный и даже крайний или чистый случай может заступить место целого или представлять за тысячи его возможных вариаций и менее характерных форм.

По Гоголю, рефлексия на тему истины не нашла своей подлинной и плодотворной середины: она или всецело подчинялась эмпирическим обстоятельствам сего мира, их принудительным правилам. Или же настолько уходила в подоблачные выси, что земля, мир доставались в удел неправде. Слово об истине расходилось с делом истины. Писатель вводит тоpos «разумной середины вещей» (7, 314), «законной желанной середины» (7, 320), «всеми искомого среднего голоса» (6, 420). Трансрациональная истина лежит именно в этой невыразимой середине, в несказанном единстве между двумя суждениями, а не в какой-либо допускающей логическую фиксацию связи между ними.

Примечания

1. Многозначное происхождение (лат.)
2. Смешанное собрание (лат.)
3. Н.В. Гоголь. Собр. соч. в 7 томах. М. 1976–1979. Т.6. С. 235. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страниц.
4. Парафраз предыдущего, очень известного выражения из «Сатир» Горация.

© Л.П. Гаглойтэ
Екатеринбург

КАВКАЗ В ТВОРЧЕСТВЕ ИНАЛА КАНУКОВА В АСПЕКТЕ ТРАДИЦИИ ЕГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Тема Кавказа, как известно, имеет давние традиции в русской литературе. Впервые появившись в произведениях декабристов (П.И. Пестель, П.Г. Каховский, М.С. Лунин), она нашла свое художественное развитие у А.С. Пушкина (после «Кавказского пленника» в русской литературе стало традицией изображать преимущественно горцев, а не кавказцев вообще¹⁾), А.С. Грибоедова, А.П. Марлинского, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого. Как писала газета «Кавказ», русские писатели первые «воспели неувядаемую прелесть Кавказа, семейный и общественный быт горцев, суровые патриархальные обычаи... любовь их к свободе, мощь духа».² Однако еще при жизни Пушкина была высказана мысль, что «Кавказ найдет себе певца в будущих его обитателях».³ Действительно, очень скоро русская литература пополнилась рядом интересных произведений о Кавказе, написанных одаренными и образованными представителями горских народов. На страницах своего журнала Пушкин приветствовал одного из них – Султана Газы-Гирея: «Вот яв-

52

ление, неожиданное в нашей литературе! Сын полудикого Кавказа становится в ряды наших писателей; черкес изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно».⁴

Творчество осетина Инала Дударовича Канукова (1852–1899) тоже, несомненно, относится к явлениям русской культуры. Получивший прекрасное русское образование (окончил Ставропольскую гимназию, одну из лучших в тогдашней России, слушал лекции преподавателей Московского университета), он и писал, естественно, на русском и даже идентифицировал себя как русского человека тоже. Подобное «неожиданное» для 30-х годов как русского, так и осетинского, миров явление, в 70-е годы выглядит закономерным, поскольку в это время происходило «окончательное слияние осетинского народа с русским государственным организмом» (Н. Джусойты). Недаром и Коста Хетагуров, предшественником которого был Кануков, считал Россию «нашей общей Родиной».⁵

В обширном, жанрово разнообразном наследии И. Канукова (очерки, рассказы, статьи, стихи), охватывающем самые различные стороны российской действительности, кавказская тема занимает сравнительно небольшое место. Однако именно с ее осмысления начинается Кануков как художник и мыслитель. Это прежде всего его очерки «В осетинском ауле» (написан в гимназические годы – 1870), «Горцы-переселенцы» (в первоначальном варианте «Заметки горца» – 1873), «Характерные обычаи осетин, кабардинцев и чеченцев» (1876), рассказ «Две смерти» (1878), ряд статей: «Кровный стол», «Воровство – мечь» (1876), «Положение женщины у северных осетин» (1877) и др. В них рассматриваются важнейшие вопросы новой истории Кавказа и, в частности, осетин: завершение длительной кровопролитной войны, поражение горцев, проведение реформы 1861-го года.

Первые два интерпретируются автором-носителем пореформенного сознания совершенно отлично от его осетинского предшественника Т. Мамсыраты (1842–1899), предпочетшего жизни на поработенной родине разлуку с ней. Взгляд Канукова многослойнее, за ним – солидная русская литературная традиция освещения кавказской войны. Его тоже приводит в восхищение беспримерная храбрость сражавшихся предков: «Мир праху вашему, храбрые джигиты! Будьте вы в дзанате (раю)! Вы, как достойные сыны своего отечества, отстаивали свободу и неприкосновенность обычаев, завещанных вам отцами и дедами вашими...» Но он понимает и историческую неизбежность поражения: «... увы! – кровь ваша пролита напрасно: свобода и родина не спасены от могущественного напора цивилизации» («Заметки горца»). Он осуждает массовый исход горцев в Турцию (все тяготы которого ему пришлось пережить в детстве), имевшем трагические последствия, и всем своим писательским даром убеждает в преимуществах «перемены прежнего порядка вещей»: «И слава Богу,

что цивилизация забросила к нам луч свой; наконец, мы видим и железную дорогу: свист локомотива оглушает нас, мирных граждан, и напоминает нам ежедневно, что и мы присоединились к семье цивилизованной Европы» («Горцы-переселенцы») (ср. у Пушкина: «Кавказа гордые сыны, Сражались, гибли вы ужасно...», у Лермонтова: «Смирись, черкес! И запад и восток...»; у Марлинского (о стремлении Петра к присоединению Кавказа к России): «Не пустые завоевания, но победа над варварством, но благо человечества были его целью...»).

Вместе с тем, при всем сходстве оценок, произведения Канукова знаменуют собой качественно новый этап разработки темы Кавказа в русской литературе, потребность в котором давно ощущалась в обществе. Еще В.Г. Белинский критиковал традицию ее романтического показа в лице В. Бурьянова, В. Бурнашова, П. Каменского и др. «с резнею, предательством, отцеубийством» «Конечно, все это бьется в жизни, и на Кавказе больше, нежели где-нибудь; но ведь это только одна сторона жизни горцев: зачем же отвлекать только одну ее?»⁶ Несколько позже схожую мысль о литературе 30-х годов высказал «Современник»: «Местность Кавказа, нравы населяющих ее разнообразных племен, самая природа Кавказа – все это очень мало обращало на себя внимание тогдашних повествователей и поэтов... недостаток фактических сведений обыкновенно пополнялся красотами цветистого слога...»⁷

«Задача изображения общественной реальности Кавказа во всех ее подробностях»⁸ оставалась актуальной и в 60-е годы. Издатели, «сознавая недостаток в книгах, которые бы дали верное понятие о Кавказе»⁹, предлагали, тем не менее, читателю все тех же авторов 20-30-х годов, воспроизводивших горцев, по словам современника, известного кавказоведа П. Услара, в виде людей, одержимых каким-то беснованием, чем-то вроде воспаления в мозгу, «людей, режущих направо и налево, пока самих их не перережет новое поколение беснующихся».¹⁰

Положение меняется с появлением рассказов и очерков Н.А. Добролюбова и Н.Г. Чернышевского, для которых характерны синтез научности и публицистичности, злободневности и точности следования фактам. В том же русле движется и творческая мысль И. Канукова. В своих очерках и рассказах, отрывке из повести «Из осетинской жизни» он рисует «правдивую картину жизни осетинского общества середины XIX века»¹¹ Более 70 персонажей-стариков, женщин, молодых людей, алдаров «изображены писателем с разных сторон и в различных обстоятельствах: в обществе и семейном кругу, на свадьбах и поминках, в праздник и будний день»¹² Ставя себе целью «правильное освещение жизни земляков» (статья «Да где уж тут, г. В.Н.Л.»), Кануков достигает этнографической точности в описании их нравов и обычаев – не даром ни один этнограф Кавказа не проходит мимо его очерков. В то же время «он уловил чутьем художника

и запечатлел в своих произведениях явления, едва намечавшиеся в жизни народа»¹³: начавшийся процесс капитализации осетин, который приветствовал как «зарю новой жизни, жизни труда и мысли», зарождение «типов... молодежи» с «зачатками характера, выработанными обстоятельствами современной жизни» (образ Хасана – «Горцы-переселенцы»).

Показывая «самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе» (Пушкин) во всей сложности его сословно-иерархической структуры (уздени, фарслаг, кавдасарцы и т.д. в очерке «Положение женщины у северных осетин»), Кануков соответственно размыкает обобщенный разбойничий имидж горца «в косматой бурке, шапке черной», «с взведенной винтовкой» («Записки горца»), пусть даже «овейный звонкостью, исполненный романтики и своеобразной поэзии дикой воли».¹⁴ Как и П. Услар, в его создании он видит заслугу романтической традиции: «Марлинский, Лермонтов и Пушкин создали каких-то страшилищ для русской читающей публики в лице Амалат-Бека, Казбича, Муллы-Нура, Измаил-Бея, Хаджи-Абрека и др.». Однако, доказывая, что времена Казбичей и подобных ему людей «ушли в область мифов», писатель-реалист далек от идиллического показа действительности. Пафос многих его статей направлен на раскрытие тех «болячек, которыми страдает... наш народ» («Кровный стол», «К вопросу об уничтожении вредных обычаев среди кавказских горцев» и др.). Художественное же их осмысление («Две смерти», «Воровство – месть», «Из осетинской жизни»), особенно в рассказе «Две смерти», более позднее по времени написания, где Кануков с глубоким психологизмом раскрывает историю совершения «простого телодвижения» (Пушкин) – убийства из кровной мести – как раз свидетельствовало об усвоении и развитии им реалистических принципов прозы Пушкина и Лермонтова.

В свете сказанного, нам кажется, что нельзя обуславливать жанровый характер рассматривавшихся произведений «особенностями творческой личности писателя».¹⁵ Скорее здесь мы видим веление времени «в форме путешествий, поездок, очерков, рассказов, описаний знакомить с различными частями беспредельной и разнообразной России».¹⁶ (Не случайно, как отмечает Г. Ханмурзаев, «начиная с 40-х годов, кавказская тема разрабатывается исключительно в прозаических жанрах»¹⁷). Кануков блестяще его выполнил. По широте и глубине картины жизни Осетии 60-х годов его очерк приближается к лучшим образцам русского «физиологического» очерка 40-60-х годов с его интересом не только к быту и нравам неизведанных пластов человеческого общества, но и к внутреннему миру его представителей.

Примечания

1. Джусойты Н. Тема Кавказа в русской литературе и в творчестве Коста Хетагурова. Сталинир, 1955. С.84.
2. «Кавказ». 26 мая 1899г

3. «Современник». №1 1836. С.168.
4. «Современник». №1. 1836. С.169.
5. Как пример более позднего периода назовем имя Гайто Газданова
6. Белинский В. Полн. Собр. соч. В 13 тт. М. 1957 Т.3. С. 423.
7. «Современник». №4. 1851. С.68.
8. Юсуфов Р Дагестан и русская литература конца XVIII и первой половины XIX века. М., 1964. С. 221.
9. Надеждин Л. Природа и люди на Кавказе и за Кавказом. М., 1869. С.3.
10. Услар П. Кое-что о словесных произведениях горцев. ССКГ Вып. 1. 1868. С. 5.
11. Суменова З. Инал Кануков. Жизнь и творчество. Орджоникидзе, 1972. С. 69.
12. Габараев С. Инал Кануков // Инал Кануков. Сочинения. Орджоникидзе, 1963. С.38.
13. Гутиев К. Предисловие // Там же.
14. Хихадзе Л. Из истории восприятия русской литературы в Грузии. Тбилиси, 1978. С.97
15. Суменова З. Указ. соч. С.122.
16. Белинский В. Т.12. С.478.
17. Ханмурзаев Г Проблемы национального характера: образы северокавказских горцев в русской литературе XIX века / Автореф. дис. д-ра филолог наук. М. 1991. С.20.

© Е.Р. Галимзянова, О.В. Зырянов
Екатеринбург

ОПЫТ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕЦЕПЦИИ ОБРАЗА СИЛЬВИО В ТРАГЕДИИ М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «МАСКАРАД»

Образ главного героя новеллы «Выстрел» оказался значимым не только в контексте пушкинского творчества (и прежде всего в обрисовке героев-индивидуалистов, носителей «уединенного» типа сознания – таких, как Скупой рыцарь, Сальери, Германн), но и в более широком – интертекстуальном – плане, заданном традицией художественной рецепции героя-парадоксалиста в русской литературе постпушкинского времени. Не случайно нравственно-психологическая и экзистенциальная коллизия «Выстрела» привлекла внимание Ф.М. Достоевского в разработке сложного психологического феномена – героя «Записок из подполья». Текстуальные переклички и смысл пародийной рецепции образа Сильвио у Достоевского отмечали Р Поддубная, П. Дебрецени, В. Шмид, Г Мосалева. Нам же представляется важным обратить внимание на следующий факт. Разыгрывая в воображении план мести своему обидчику («Через пятнадцать лет я потащусь за ним в рубище, нищим, 56